

PROGRAM ON NEW APPROACHES TO RUSSIAN SECURITY

Telephone: (202) 775-7322 • Fax: (202) 775-3199 • Email: ponarsinfo@csis.org •
HTTP: www.csis.org/ruseura/ponars

THE PONARS ACADEMIC CONFERENCE, MAY 29-JUNE 2, 2002

Владимир Попов

Vladimir Popov

**ПРАВА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ:
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК***

**INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS:
RUSSIA'S INTEREST AND WORLD ECONOMIC ORDER**

*Полный вариант двух статей автора в журнале «Эксперт» - 11 и 25 февраля 2002г.

ПРАВА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ: ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК¹

Владимир Попов

Надо ли защищать права на интеллектуальную собственность (ИС)? Попробуйте сказать нет и вас забросают камнями. Ну как же, ведь это краеугольный принцип рыночной экономики! Все создатели интеллектуальных продуктов должны обладать монопольным правом их использования, иначе они не смогут получить адекватного вознаграждения, не будут их создавать, и технический и интеллектуальный прогресс остановятся. Если кто-то использует плоды интеллектуального труда других бесплатно, это равносильно воровству. Нарушение прав ИС так и называют – пиратством.

Однако последовательное проведение в жизнь принципа защиты прав на интеллектуальную продукцию создает массу проблем. Подумайте о компакт-дисках, которые давят бульдозерами от Пекина до Рио де Жанейро только потому, что их произвели без приобретения копирайта и продали за несколько долларов вместо нескольких сот долларов. Это увеличивает прибыли "Майкрософта" и западных издательств за счет ограничения доступа китайских и бразильских детей к записанным на этих дисках компьютерным программам и энциклопедии "Британника". Что бы там не говорили экономисты о том, что прибыли нужны "Майкрософту" для создания новых и более совершенных программ, здравомыслящему человеку трудно понять, почему бульдозер, давящий гусеницами блестящие диски, способствует интеллектуальному прогрессу.

Представьте теперь, что гусеницами давят лекарства, чтобы они не достались по дешевой цене больным. Вспомните, как крупнейшие фармацевтические компании подали в суд на власти ЮАР, которые приняли закон, разрешающий закупать дешевые лекарства от СПИДа в Индии, Таиланде и других развивающихся странах, вместо того, чтобы покупать дорогие лекарства у этих самых компаний. Разница в цене была больше, чем в 10 раз, так что при закупке дешевых лекарств оказывалось возможным продлить в 10 раз больше жизни. Доказать, что во имя прогресса в фармакологии жизни более 90% зараженных СПИДом

¹ Полный вариант двух статей автора в журнале «Эксперт» - 11 и 25 февраля 2002г.

продлевать не следует, не удалось даже мировым гигантам фармацевтики. Из-за возмущения общественного мнения судебные иски им пришлось отозвать.

До этого карт-бланш мирового сообщества на импорт дешевых лекарств от СПИДа получила Бразилия. В 90-е годы правительство закупило такие лекарства на сотни миллионов долларов, распределяя их бесплатно среди нуждающихся и сильно сократив смертность от СПИДа, так что в конце концов даже Мировой банк признал правомерность таких действий и выдал кредиты на продолжение закупок.

А Индия еще не присоединилась к соглашениям о защите интеллектуальной собственности (TRIPs), а присоединится только в 2005г. Патентное законодательство Индии, предусматривающее защиту технологий, но не продуктов, разрешает производить запатентованные в других странах лекарства на абсолютно законных основаниях и продавать всем, кто пожелает купить. Индийская фармацевтическая компания Cipla предлагала в 2001г. пакет антиспидовских лекарств для годового курса лечения за 350 долларов против 15 000 долларов, за которые продавали такой же годовой пакет западные фармацевтические фирмы. Не особенно признавала иностранные патенты до 70-х годов XX века Япония, активнее других импортировавшая технологию из-за рубежа. США еще и в конце XIX века не считались с британскими копирайтами на литературные произведения – просто перепечатывали изданные в Англии книги и все. Да и сейчас в западных странах права на интеллектуальные разработки могут быть нарушены в чрезвычайной ситуации. В США, например, о таких законах недавно вспомнили в связи с массовыми закупками антибиотика "сипро", используемого против сибирской язвы, патент на который принадлежит немецкой Bayer.

Интеллектуальные продукты делятся на две категории. Первая – промышленная ИС: патенты, лицензии, торговые марки и проч., используемые фирмами для создания других материальных и нематериальных продуктов (патенты выдаются обычно не менее, чем на 20 лет). Вторая – копирайты, выдаваемые не менее, чем на 50 лет, – охранные грамоты на интеллектуальные продукты для "конечного потребления" (книги, произведения искусства, компакт-диски, фильмы и проч.). В первом случае взимание платы за распространение

препятствует техническому прогрессу. Представьте, что было бы, если бы ТСР-протоколы, на которых основан интернет, были бы в свое время запатентованы (к счастью, не были). Во втором случае сдерживается распространение мировой культуры, образования и знаний, которые являются общим достоянием всего человечества. При нынешней системе доступ к этим знаниям и культуре более всего ограничен как раз для тех, кому они особенно необходимы, – для неимущих в слаборазвитых странах.

Вопреки распространенному убеждению, экономисты отнюдь не единодушны в стремлении крепить защиту прав на интеллектуальные продукты. На последнем собрании Американской экономической ассоциации в Атланте в январе 2002г. на круглом столе, посвященном проблемам ИС, было представлено три доклада: 1. Почему мы должны защищать права на ИС; 2. Почему мы не должны защищать права на ИС; 3. Когда мы должны защищать права на ИС. Среди экономистов-теоретиков как раз есть понимание того, что нынешняя система охраны прав на ИС несовершенна, что ужесточение патентных законов ведет к увеличению вложений фирм в НИОКР, но вместе с тем, предоставляя монополию на продукты интеллектуального труда, препятствует распространению нововведений; что стимулы к созданию новых интеллектуальных продуктов полностью не исчезнут, даже если совсем отменить монопольные права на новую ИС и разрешить ее неограниченное тиражирование всем желающим. Ведь тиражирование не мгновенно, так что первооткрыватель всегда будет иметь преимущества. Кроме того, предоставление монопольных прав на интеллектуальный продукт – далеко не единственный способ вознаграждения производителя. Ему может платить государство из бюджета или из специального фонда распространения нововведений (развития культуры).

Упаси бог, я не призываю “все отобрать и поделить” или, и того хуже, “воровать” западные патенты и копирайты – уголовный кодекс надо чтить. Но ведь законы и международные соглашения существуют для людей, а не наоборот. А насчет справедливости и рациональности нынешних законов есть большие сомнения. Патентно-копирайтное законодательство западных стран основано на принципе предоставления изобретателю/творцу монополии на интеллектуальный продукт с целью стимулирования инновационной активности. Надо понимать, что предоставление монополии, пусть и

временной, ничего общего с рынком не имеет. Собственно говоря, предоставление и охрана такой монополии есть признание несостоятельности рынка в данной области (market failure) и попытка исправить такую несостоятельность через госрегулирование. Идея в общем неплохая, но вот воплощение, похоже, хромает. Закрепление монопольных прав на интеллектуальный продукт – довольно примитивная и грубая форма госвмешательства, имеющая массу негативных последствий, как и всякая монополия.

Где граница между результатами фундаментальной науки, которые нигде не патентуются, и изобретениями, которые становятся исключительной собственностью владельца патента? В США, кстати сказать, только 43% средств на НИОКР в самой наукоемкой фармацевтической промышленности поступают от самих фирм, тогда как 29% – от государственного Национального института здоровья, а остальное – от благотворительных фондов и университетов. Почему расшифровка генетического кода, ведущаяся на государственные деньги, становится бесплатным достоянием всего человечества, а такая же расшифровка, сделанная частной компанией, могла бы продаваться за деньги? И почему копирайты надо предоставлять на именно 50-75-100 (ненужное зачеркнуть) лет?

Знаете ли вы, что на, может быть, самую популярную в мире мелодию «Happy Birthday to You!» в 1893 году был получен копирайт двумя учителями начальной школы, сестрами Хилл из Луисвилля, штат Кентукки? Копирайт с тех пор перепродавали, последний раз его купила Time Warner AOL, владеющая CNN, в 1988 году за 25 миллионов долларов (вместе с другими мелодиями, не имеющими особого коммерческого успеха). По новому американскому закону 1998 года копирайт будет действовать до 2030 года, поэтому со всех звукозаписей «Happy Birthday to You!» еще три десятка лет Time Warner будет получать отчисления (сейчас они оцениваются в 2 миллиона долларов ежегодно). Так что каждый раз, когда вы покупаете музыкальную открытку или билет на фильм, в которых звучит известная всем мелодия, часть ваших денег идет на вознаграждение держателей копирайта.

«С днем рождения, тебя!» – что и говорить, неплохая песенка, может быть даже гениальная в своей простоте, если столько людей на разных континентах уже второе столетие с удовольствием ее распевают. Но решится ли кто-нибудь утверждать, что вклад в мировой

интеллектуальный прогресс Эйнштейна и Шостаковича менее значителен, чем вклад кентуккских сестер? (В Америке копирайты на произведения Шостаковича, Прокофьева и других советских авторов были восстановлены только в 1996г., так как СССР до 1973г. не подписывал конвенцию об авторских правах, но даже если бы США уважали советские копирайты, Шостаковичу за сестрами Хилл по размерам вознаграждения не угнаться).

Третий президент США Томас Джефферсон, занимавший в бытность свою госсекретарем США и пост председателя первого патентного управления страны, полагал, что идеи, как воздух, которым мы дышим, не должны быть в исключительном владении и «потому изобретения не могут, по самой своей природе, быть объектом собственности». Отец американской демократии владел кое-какими рабами, так что не возражал против собственности на людей, но противился собственности на изобретения.

Говорят, что технический прогресс возможен только при строгой охране прав на интеллектуальные продукты. Так ли? Современная патентная система сложилась совсем недавно, строго говоря, только в последние десятилетия; до этого среди самих западных стран процветала практика ныне называемая пиратством. В конце XIX века США активно добивались от других стран улучшения их национального патентного законодательства, но отказывались признавать иностранные копирайты. А Германия в это же время угрожала Швейцарии торговыми санкциями, побуждая ее принять патентный закон, но не признавала британские торговые знаки.

Голландия и Швейцария – две западные страны, дольше других сопротивлявшиеся принятию патентного законодательства. Швейцария вообще не защищала интеллектуальную собственность до 1888г., а потом правила защиты были очень мягкими (например, отсутствие патентов на химические соединения, в отличие от химических процессов), и только в 1954г. ее патентное законодательство стало сравнимым с другими западными странами (а на химические соединения патенты стали выдавать только в 1978г.). Химические вещества не патентовались в Германии до 1967г., в странах Северной Европы – до 1968г., в Японии – до 1976г., в Испании – до 1992г. А лекарства стали патентабельными только в 1967г. в Германии и Франции, в 1979г. в Италии, в 90-е годы в Испании и Канаде.

Остановился ли технический прогресс в странах, которые хуже других защищали исключительные права на интеллектуальную собственность? Да нет, не похоже. Есть исследования, свидетельствующие, что в Швейцария в конце XIX века, до принятия патентного законодательства, пережила пик инновационной активности. Есть и опросы американских фирм, констатирующие, что большинство из них (хотя и не все) финансировали бы НИОКР и нововведения в том же объеме, что и без получения патентов, поскольку главная защита на их интеллектуальные продукты обеспечивается не формальным патентом, а техническим лидерством, делающим воспроизведение инноваций конкурентами практически невозможным в течение нескольких лет, а то и десятилетий.

В общем даже странам, находящимся на острие технического прогресса, то есть западным, приходится искать наилучший баланс между стимулами к созданию интеллектуальных продуктов и к их распространению: сказать, что чем жестче защита интеллектуальных продуктов, тем лучше для экономики и людей, нельзя. Что же касается развивающихся стран, то в международном технологическом и интеллектуальном обмене они получают много больше, чем отдают, то есть являются чистыми импортерами; 97% всех патентов мира сосредоточено в западных странах. Вроде бы признано, что ускоренное развитие этих стран соответствует не только их собственным интересам, но и интересам всего мира, да и западным интересам (в частности, борьбы с терроризмом). Признано также и то, более эффективно помогать через передачу технологии и знаний, нежели чем через субсидирование потребления.

Однако Запад активно добивается, чтобы развивающиеся страны платили сполна за приобретаемые интеллектуальные продукты – вплоть до принятия санкций против тех, кто плохо защищает права на копирайты, патенты и торговые знаки. Отстают от этого принципа только в исключительных случаях, как с лекарствами от СПИДа, когда связь между приверженностью принципу и потерей человеческих жизней слишком очевидна. Некоторые исследователи считают, что есть основания обвинить Запад в политике «залезть наверх и убрать лестницу»: ведь сами-то западные страны пользовались более либеральным режимом распространения изобретений, когда превращались из развивающихся в развитые, а теперь

требуют от развивающихся стран жесткой охраны их интеллектуальных продуктов. Так может при таком режиме и в принципе «залезть наверх» невозможно?

И последнее. Главной международной организацией по охране прав интеллектуальной собственности в последние годы стала ВТО. В рамках уругвайского раунда (1986-94 гг.) были достигнуты соглашения о защите прав на «связанную с торговлей интеллектуальную собственность» (TRIPs), предусматривающие обязательную защиту патентов в течении 20 лет и копирайтов – в течении 50 лет в том числе и путем конфискации и уничтожения пиратской продукции по решению суда. Страны, вступающие в ВТО, как недавно Китай, а в скором времени, видимо, и Россия, должны принять на себя соответствующие обязательства и обнаружить готовность и способность их выполнять. Между тем, есть и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС – WIPO), созданная еще в XIX веке, задолго до ГАТТ – ВТО (СССР стал членом в 1970 году). Почему же именно ВТО играет первую скрипку в охране интеллектуальной собственности?

Ответ известен – у ВТО больше рычагов воздействия на страны-члены, в ВТО вопросы защиты интеллектуальной собственности увязываются с международной торговлей: развитые страны предлагают развивающимся облегченный доступ на свои обширные рынки, но взамен требуют от развивающихся государств более строгой защиты интеллектуальной собственности. В рамках же ВОИС Западу особенно нечего предложить развивающимся странам в обмен на требования усилить защиту (в основном западных) интеллектуальных продуктов; от такой защиты развивающиеся страны больше теряют, чем получают, так что не очень в ней заинтересованы. Собственно говоря, решение сделать TRIPs предметом переговоров в ГАТТ стало реакцией Запада на популярные в конце 70-х – начале 80-х годов идеи нового международного экономического порядка и, в частности, ответом на требования группы 77 реформировать систему охраны интеллектуальной собственности в рамках WIPO в целях обеспечения более свободного притока технологии в развивающиеся страны.

Однако с точки зрения существа дела, исходя только из экономической целесообразности, увязывать защиту прав интеллектуальной собственности со свободной торговлей не то что нецелесообразно, но и просто вредно. Даже если допустить, что защищать интеллектуальную

собственность надо именно так, как предлагает ВТО, сдерживать из-за этого либерализацию международной торговли нерационально. Ведь свободная торговля, как доказывают экономисты, выгодна всем – даже одностороннее открытие рынков повышает благосостояние как стран-импортеров, так и стран-экспортеров. Если наказывать страны, плохо защищающие интеллектуальную собственность, отказывая им в доступе на западные рынки, получается, что развивающиеся страны вообще оказываются в ловушке: либо их заставляют больше платить за трансферт технологии и знаний (укрепляя защиту западной интеллектуальной собственности), либо затрудняют им доступ на западные рынки.

Россия, вообще не член ВТО, так что формально не связана обязательствами охранять ИС хотя, конечно, испытывает сильное давление со стороны западных стран и вынуждена считаться с возможными санкциями. Вступление в ВТО возможно только при присоединении к TRIPs. Для развивающихся стран был предусмотрен пятилетний переходный период, в течение которого можно было не следовать требованиям TRIPs. Но Китай, например, вступивший в ВТО в 2001г., от этого переходного периода вынужден был отказаться. Однако дело даже не только и не столько в конкретных условиях вступления России в ВТО, сколько в необходимости реформирования всей нынешней системы передачи технологии и охраны ИС.

Во-первых, не очевидно, что защита прав ИС с помощью патентов и копирайтов – наиболее эффективный способ стимулирования технического и интеллектуального прогресса. Во-вторых, даже если и надо защищать ИС в принципе, развивающимся странам от этого больше вреда, чем пользы: настаивать на том, чтобы они защищали западные интеллектуальные продукты можно только в том случае, если Запад готов оплатить их потери от сокращения трансферта технологии и знаний. И, наконец, в-третьих, даже если первые два аргумента считать недоказанными, нет оснований увязывать защиту прав на ИС с либерализацией торговли, как это делает ВТО.